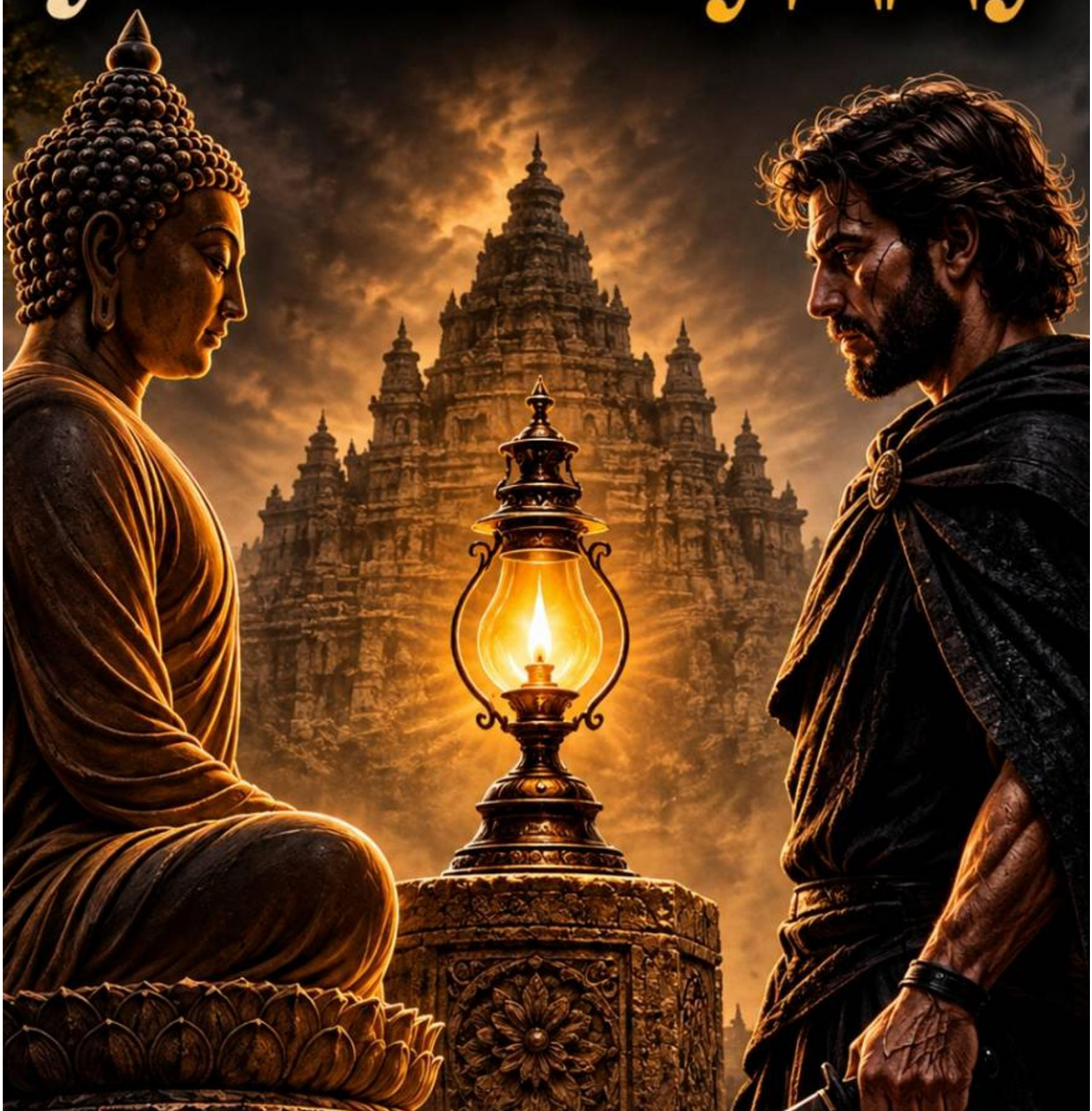
БРВ

Я пришёл убить Будду



Роман Буслаев

Я пришёл убить Будду

«Автор»
2026

Буслаев Р.

Я пришёл убить Будду / Р. Буслаев — «Автор», 2026

Он пришёл в Индию, чтобы убить человека за деньги. Он был наёмником, привыкшим доверять оружию, расчёту и собственному опыту. Он не верил в богов и не искал мудрости.Но встреча с человеком, которого называли Благословенным, изменила его жизнь.Сотирис не сразу понимает, что именно произошло. Он не услышал обещания бессмертия и не получил ответа на все вопросы. Он увидел нечто гораздо более непривычное для человека, прошедшего через войны и предательство, — глубокий покой, которому не нужны ни власть, ни страх.Это история о выборе, сострадании, смерти и начале пути, который окажется длиннее человеческой жизни.

© Буслаев Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Глава 1. Город пяти холмов 7
Глава 2. Белая одежда 8
Глава 3. Утро у колодца 10
Глава 4. Последний вечер 12
Глава 5. Ночь без луны 13
Глава 6. Пустой день 14
Глава 7. Мешок 15
Глава 8. Край рощи 17
Глава 9. Слова вслух 19
Глава 10. Совет 20
Глава 11. Город отворачивается 22
Глава 12. Просьба 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Роман Буслаев
Я пришёл убить Будду

Я пришёл убить Будду
Книга первая: Раджагаха
БРВ

Содержание

Глава 1. Город пяти холмов
Глава 2. Белая одежда
Глава 3. Утро у колодца
Глава 4. Последний вечер
Глава 5. Ночь без луны
Глава 6. Пустой день
Глава 7. Мешок
Глава 8. Край рощи
Глава 9. Слова вслух
Глава 10. Совет
Глава 11. Город отворачивается
Глава 12. Просьба
Глава 13. Дожди
Глава 14. Девадатта
Глава 15. Слон
Глава 16. Пустое место у костра
Глава 17. Руки
Глава 18. Демон
Глава 19. Плот
Глава 20. Рыбный рынок
Глава 21. Лунная ночь в манговой роще
Глава 22. Дорога на север
Глава 23. Кузнец
Глава 24. Поздний гость
Глава 25. Пустые руки
Глава 26. Последнее слово
Глава 27. Они сами не разжимаются
Глава 28. Огонь
Глава 29. Белый человек
Глава 30. Перекрёсток

Глава 1. Город пяти холмов

Караван вошёл в город на закате. Сотирис ехал позади, как всегда: оттуда видно и купцов, и тех, кто на них смотрит.

Стены Раджагахи поднимались из серого камня, который никто не тесал. Глыбы лежали одна на другой так, будто их сложили великаны, и он подумал, что люди, поставившие эти стены, не боялись, что кто-то их разрушит. В Милете тоже так думали.

Пять холмов стояли вокруг города, как стража, которой не нужно оружие. Над крышами висел дым, и Сотирис не сразу понял, что это не пожар. Это горели жертвенные костры. Здесь огонь был работой, и работали на нём спокойные люди в белом, не поднимая глаз на чужестранцев.

Он делал то, что делал в каждом новом городе, не задумываясь, как другие люди дышат: считал. Двое стражников у ворот, оба скучают. Третий на стене, смотрит не на дорогу, а на торговку, которая спорит с ним о чём-то. Узкая улица справа, из неё можно уйти, если толпа сомкнётся. Слоны у водопоя, и значит, здесь стоит царская конница, а не только пехота.

— Грек, — окликнул его купец Бахрам, ехавший впереди. — Ты опять не смотришь на красоты. Ради чего же ты тогда ездишь по свету?

— Ради платы, — ответил Сотирис.

Это была правда, но не вся. Всей правды он не говорил никому, да и себе не слишком часто.

Ему было тридцать. Он был высок, шире в плечах, чем большинство людей в этих краях, и глаза у него были голубые, как у северян, о которых здесь рассказывали сказки. На левой щеке белел шрам, заметный на загорелой коже. Дети на улицах оборачивались, женщины отводили взгляд. Он привык и к тому и к другому.

Четыре года назад он стоял на стене Милета и смотрел, как горит его город. Потом он ушёл с этой стены, а потом ещё много куда ушёл. Служил тем, кому платили больше. Служил тем, кто сжёг Милет, потому что они платили лучше всех. А потом бросил и это. Когда его спрашивали почему, он говорил: надоело подчиняться. Говорить так было удобно. Слово «свобода» звучало красиво и ни о чём не спрашивало.

Теперь он водил караваны, и это была честная работа. Купцам нужен был человек, который умеет читать дорогу и людей на ней. Он умел. Он видел, когда у погонщика дрожат руки, и знал, что тот что-то задумал. Видел, когда торговец слишком ласково улыбается, и знал, что сейчас обманет. Страх был для него открытой книгой, написанной крупными буквами.

Ночью, на постоялом дворе, он лежал без сна и слушал город. Ничего не происходило. Кричал осёл, где-то пели, ветер приносил запах дыма и специй, и ещё чего-то, чему он не мог найти названия. Позже он поймёт, что это был запах города, в котором скоро что-то должно было начаться. Он только не знал что.

Глава 2. Белая одежда

Утром Раджагаха проснулась раньше, чем он успел открыть глаза.

Сначала донёсся стук: кто-то во дворе колол дрова, потом заскрипел колодезный ворот, потом загрохотала повозка с кувшинами. Запахи пришли следом, один за другим, как гости на пир. Тёплые лепёшки из печи у соседа. Горький дым от коровьего навоза, на котором здесь варили всё, от каши до красок. Кислое молоко. Сырая глина. И поверх всего, тонкой нитью, едва заметный, но не исчезающий запах горелого масла: где-то в городе уже горели утренние жертвенные огни.

Сотирис умылся холодной водой во дворе, натянул плащ и пошёл на рыночную площадь разгружать мулов. Караван Бахрама должен был простоять в Раджагахе около недели: купец собирался продать здесь персидские ковры и закупить хлопок и пряности. Грек отвечал за животных и за груз, и работа у него была простая, привычная, почти успокаивающая.

На площади уже кипела жизнь. Торговцы раскладывали на циновках горы красного перца и жёлтой куркумы, развешивали полосы ткани, расставляли глиняные горшки с топлёным маслом. Старик с тонкой седой бородой чинил сандалии прямо на земле, зажав между коленями деревянную колодку. Мальчишка гонял по кругу облезлую обезьяну в красной жилетке, и та вопила, к восторгу зевак. У колодца спорили две женщины, размахивая пустыми кувшинами. Слоны, мерно покачиваясь, шли по краю площади с огромными корзинами на спинах.

На площади стояла такая пыль, что люди кашляли и закрывали лица.

Он снимал вьюки с последнего мула, когда почувствовал, что рядом кто-то стоит.

Жрец был в белом, и на его одежде не лежало ни пылинки. Это было почти оскорблением. Сотирис, перемазанный с ног до головы, смотрел на него снизу вверх и думал: так не бывает. Не бывает, чтобы человек прошёл через эту толчею и вышел из неё чистым. Только если он не прошёл. Только если толпа сама расступалась перед ним, и не потому, что боялась.

Жрец смотрел не на грека, а на его руки.

— Говорят, ты хорошо делаешь свою работу, — сказал он.

— Смотря какую.

— Ту, что другие не хотят.

Рядом смеялась торговка рыбой, кричал погонщик, где-то плакал ребёнок. Жрец говорил негромко, но и не понижал голоса, как говорят люди, которым нечего скрывать. Он был немолод, лет шестидесяти, с ровным лицом и мягкими глазами. Такие лица Сотирис видел у старших писцов и у тех врачей, которые не торопятся говорить правду.

Он назвал сумму. Сотирис невольно прикинул, сколько мулов можно купить на эти деньги, потом сколько домов. Потом жрец назвал имя.

Было бы лучше, если бы они шептались в тёмной комнате. В тёмной комнате всё понятно: там заговорщики, там смерть. А здесь был день, и пахло рыбой, и жрец говорил о смерти так же, как нанимающий носильщика говорит о весе мешков.

— Он разрушает порядок, — сказал жрец. — Дети перестают слушать старших. Люди не приносят жертв и говорят, что боги не нуждаются в них. Если так пойдёт дальше, порядок рухнет, и тогда будет настоящая кровь. Намного больше, чем та, о которой я тебя прошу.

Сотирис искал в нём страх: в голосе, в пальцах, в том, как человек сглатывает слюну. Он не нашёл ничего. Жрец был абсолютно спокоен. Это было не спокойствие сильного человека. Это было спокойствие того, кто давно решил, что прав, и перестал проверять.

— Нет, — сказал Сотирис.

— Вот как.

— Я вожу грузы, а не людей на тот свет. Эту работу я оставил в Милете.

Жрец не стал спорить и не повысил цену. Он только кивнул, будто записал ответ в каком-то внутреннем свитке.

— Я буду в храме до новолуния, — сказал он и ушёл.

Он шёл через площадь, и люди расступались, не глядя на него, как расступаются перед чем-то привычным: перед стеной, перед рекой. Эта уверенность была хуже угрозы. Так уходят люди, которые знают, что к ним вернутся.

День тянулся долго. Сотирис таскал тюки, считал мулов, торговался с хозяином склада о цене на постой. Работал так, как всегда: быстро, без лишних движений. Но каждый раз, когда он поднимал глаза, ему казалось, что на краю площади мелькает белое пятно. Он смотрел, и пятно оказывалось торговцем в светлой накидке или женщиной с узлом.

Вечером на постоялом дворе он заметил мальчишку у ворот. Тот сидел на корточках, грыз жареный горох и не играл ни с кем из других детей, хотя они бегали рядом и звали его. Он сидел там уже второй час. Потом, за ужином, Сотирис увидел торговца тканями, который слишком долго выбирал одну и ту же материю у хозяина двора и ни разу не спросил цену.

Слежка была неплохой. Он узнал её сразу, потому что когда-то сам так работал: мальчик, чтобы запомнить, кто входит и выходит; торговец, чтобы запомнить, с кем говорит.

Он ничего не предпринял. В чужом городе, без союзников, бегство было глупостью. Он съел чечевичную похлёбку с лепёшкой, выпил кружку мутного рисового вина и лёг, положив нож под руку. Из окна доносился ровный, негромкий напев: где-то в храме поздние жрецы читали гимны. Слов он не разбирал. Ритм был ровный, как работа кузнеца. Он слушал его и не мог уснуть.

Жрец нашёл его сам на следующий день, без свиты и без нажима. Сотирис поил мулов у колодца на краю площади, и тот подошёл неслышно и заговорил почти между прочим, глядя на воду:

— Ты ведь из Милета. Вы красиво строили, говорят. Жаль, что от города ничего не осталось.

Ведро в руках Сотириса качнулось, и вода плеснула на камни.

Он никому в Раджагахе не называл своего города. Ни купцу, ни хозяину двора. Значит, жрец расспрашивал людей на дорогах и по пути каравана. Он готовился заранее, ещё до первой встречи.

Он заметил, что у него не дрогнули руки, и именно это его испугало. Милет перестал быть раной. Он стал рычагом, за который можно потянуть, и жрец потянул так легко, будто делал это всю жизнь.

У колодца шумели женщины, мул нетерпеливо ткнул его мордой в плечо. Мир продолжал идти своим чередом, и никто, кроме них двоих, не знал, что здесь только что что-то решилось.

Жрец улыбнулся, как улыбаются хорошему ученику.

— Значит, ты согласен.

— Значит, я хочу знать, где он будет.

Это была не одна и та же фраза, и они оба это знали.

Глава 3. Утро у колодца

Он пошёл к Венуване на следующее утро, налегке, будто прогуляться.

Дорога из города поднималась к подножию холмов, и с каждым шагом воздух менялся: исчезала городская пыль, появлялась прохлада. По левую руку, в расселинах скал, дымились горячие источники, и над ними висел лёгкий серный пар. Крестьянки в красных платках полоскали в тёплой воде бельё, смеясь и перекрикиваясь. Мужчины с котелками на плечах ждали своей очереди: говорили, что вода здесь лечит от ломоты в костях. Сотирис остановился на минуту, опустил руку в поток. Вода была почти горячей и пахла яйцами.

Венувана оказалась не такой, как он думал. Он ждал ограды, ворот, хотя бы сторожевой будки. Вместо этого дорога просто растворялась в бамбуковой роще. Зелёные стволы стояли плотно, поднимались высоко и качались от ветра с тихим шорохом, как огромная живая занавеска. В тени было прохладно. На земле лежал плотный ковёр опавших листьев, и по нему, не боясь людей, прыгали белки с тремя тёмными полосами на спинке. Где-то журчал ручей. Пахло зеленью, сырой корой и, едва уловимо, дымом костров.

Эту рощу когда-то подарил общине царь Бимбисара. Сам царь давно лежал в земле. Его убил собственный сын, и теперь город жил под рукой Аджаташатру, и это чувствовалось в том, как люди разговаривали на улицах: вполголоса и оглядываясь.

Сотирис выдавал себя за купца, который ищет пастбище для мулов. Три дня он ходил вокруг рощи, садился на камни, пил из ручья, заговаривал с деревенскими, которые приносили монахам рис. Это были простые люди: земледельцы, пастухи, гончар с глиняной пылью в морщинах. Они охотно рассказывали. Он слушал и складывал услышанное, как складывают камни в стену.

Говорили, что Учителю семьдесят три года. Что больше тридцати лет он ходит по этим дорогам с чашей в руках, и ни разу ни у кого ничего не просил, кроме еды на один день. Что он не лечит чудесами, но к нему приходят и больные, и те, кто потерял детей. Что его двоюродный брат ненавидит его, хотя вслух никто не говорит об этом. Что он не любит жертвоприношений и называет их напрасной тратой.

Последнее объясняло многое.

Потом он считал. Сколько монахов: не меньше сотни, а может, больше, они приходили и уходили целыми днями. Сколько оружия: ни одного клинка, ни одного копья. Кто спит у шатра Будды: старый монах и ещё один, помоложе, мягкий, с испуганными глазами, которого называли Анандой. Где можно подойти ночью: от сухого русла ручья, сто двадцать шагов до шатра.

Охраны не было. Ни стен, ни стражи, ни собак. Для человека, который всю жизнь входил в охраняемые лагеря, это выглядело как ловушка. Он трижды перепроверил тропы, ожидая засады. Засады не было.

На третий день он перестал искать охрану. Он понял, что ищет не там: охраной здесь были сами люди, ни один из которых не оглядывался.

Ещё он следил за лицами. Он искал то, что видел у каждого, кто жил под угрозой: настороженность в плечах, привычку смотреть на тропу. Не нашёл. Монахи ходили, ели, молчали, смеялись, и в их смехе не было скрытого страха. Это была первая трещина. Объяснения ей он не нашёл.

Старый монах каждое утро подметал дорожку у входа в рощу. Он был сухой, жилистый, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и двигался так медленно, будто у него впереди было всё время мира. Проходя мимо Сотириса, он кивнул, как кивают знакомому. Не из хитрости, а просто так. Сотирис потом долго вспоминал этот кивок.

На четвёртое утро он увидел Будду.

Он не ожидал этого. Он ждал, что тот будет окружён людьми, а вышел один, пешком, с чашей для подаяний. Босой, не торопясь, он шёл по узкой улице мимо колодца, где толпились женщины с кувшинами. Он был старше, чем представлялось по рассказам: сухой, седой, с глубокими складками у глаз, в простой рясе цвета осенней глины. Только осанка у него была как у молодого.

Сотирис стоял у стены, как обычный прохожий, и по привычке считал расстояние: шесть шагов, пять, четыре. Он прикинул, как всё могло бы произойти: удар в толпе, крик, паника, уход переулком справа. Толпа, шум, никто не успеет обернуться. Можно было закончить всё сегодня.

Он ждал новолуния. Работу назначили на ночь, и он привык делать работу так, как договорились.

Будда шёл по пыльной дороге, и пыль ложилась ему на ноги так же, как всем остальным. Он не смотрел на людей вокруг и не отворачивался от них. Когда он поравнялся с Сотирисом, он поднял глаза.

Не на нож под плащом. Не на плечи, не на шрам. Просто на него.

Сотирис привык, что на него смотрят по-разному: со страхом, с уважением, с расчётом. Здесь не было ничего из этого. Его заметили, и ему от этого ничего не было нужно.

Через мгновение улица снова была улицей. Будда прошёл дальше, женщины у колодца расступились, одна из них опустила в его чашу горсть риса, и он что-то тихо сказал ей, и она засмеялась. Сотирис обнаружил, что простоял у стены, пока не опустел колодец, и не мог вспомнить, о чём думал.

Он посмотрел на свои руки. Они были спокойны. Но не так, как у человека, идущего на работу. Иначе. Он не мог объяснить разницу.

Глава 4. Последний вечер

Он вернулся на постоялый двор, когда солнце уже садилось за крыши, и до темноты занимался привычными делами.

Сходил на задний двор, где у хозяина стояла бочка с дождевой водой, и долго умывался, смывая с кожи пыль бамбуковой рощи. Вычистил плащ. Проверил верёвку, смазал ремни. Всё как всегда, только медленнее, чем нужно. Он заметил это и разозлился.

Потом сел на лежанку у окна и достал нож.

Он точил его дольше, чем требовалось. Лезвие давно было острым, но руки продолжали двигаться: туда, обратно, мягко, по влажному бруску. Звук был как дыхание спящего. За окном догорал день. По двору тянулся запах готовящейся еды: лепёшки, чечевица с чесноком, жареный лук. Где-то внизу ругались два погонщика, потом смеялись, потом снова ругались.

Снизу, со двора, кто-то запел.

Слов он не разобрал, но напев был ионийский, с тем самым протяжным переходом в конце строки, какой пели на верфях. Сотирис положил нож на колени.

Он вспомнил запах смолы, которая варилась в больших котлах у причалов. Чёрные от копоти лица рабочих. Крик чаек над заливом. Отца, который стоял над ним в мокрой рубахе, с обожжёнными ладонями, и учил его вязать узлы на мокрой верёвке: «Сначала пальцы должны понять, потом голова». Мальчишкой он ненавидел эти уроки. Он вязал узел, и тот расползался, и отец молча развязывал его и протягивал верёвку обратно.

Милет не вспоминался картинками. Он вспоминался мелочами, и от этого было больнее. Жрец потянул за эту нить, и теперь она не отпускала.

Позже к нему постучал Бахрам, принёс кувшин вина и сел на край лежанки. Купец был старше Сотириса лет на пятнадцать, круглый, с хитрыми глазами и неизменной улыбкой, за которой было удобно прятать усталость. Он налил две чаши и протянул одну греку.

— Через неделю уходим на запад, — сказал он. — Ты едешь?

— Да, — ответил Сотирис и сам удивился, как неуверенно это прозвучало.

Бахрам посмотрел на него, но ничего не спросил. Они поговорили о ценах на соль, о дороге через пустыню, о том, что в этом году рано пошли дожди. Потом купец помолчал, покрутил чашу в пальцах и сказал, будто между прочим:

— Слышал сегодня на рынке про одного старика. В роще за городом живёт. Говорят, он не берёт платы. Ни с царей, ни с нищих.

— Много чего говорят.

— Говорят, он учит, что огонь, на котором жрецы жарят быков, это просто огонь. — Бахрам усмехнулся. — Представляешь, что с ними будет, если люди ему поверят? Полгорода без хлеба.

Сотирис промолчал. Купец ещё немного посидел, допил вино и ушёл, пожелав доброй ночи. Грек остался один.

Плата лежала в мешке под лежанкой. Он вытащил его, взвесил на ладони и понял, что не чувствует ничего: ни радости, ни тяжести. Просто мешок.

Он вышел на крышу, под звёзды. Над городом висела чёрная ночь без луны. Внизу, в лабиринте узких улиц, мерцали масляные лампы. Далеко на холме, у храма, горел жертвенный огонь, красный, как рана. Он смотрел на него, пока не заболели глаза.

Он не сомневался в том, что пойдёт. Он сомневался в чём-то другом и не мог назвать, в чём.

Нужно было спать. До новолуния оставалась одна ночь, а завтра ему понадобятся спокойные руки.

Они и были спокойными. Это его и тревожило.

Глава 5. Ночь без луны

Новолуние пришло без знаков. Небо было чёрным и чистым, и звёзды стояли густо, как соль на тёмной ткани.

Он вышел с постоялого двора за два часа до полуночи и спустился в русло ручья. Камни лежали так, как он запомнил за три дня. Тридцать шагов, сорок. Он шёл не торопясь и не крадучись, как ходил всегда, когда работа была ему по руке. Дыхание ровное. Нож под плащом, но не в руке.

На сороковом шаге он остановился и проверил ветер. Потом пошёл дальше, потому что остановка ничего не объясняла.

Лагерь спал. Не притворялся спящим, не прислушивался к темноте. Просто спал, и это было хуже засады. Он ждал лая и не дождался: собак здесь не держали. Слышны были только насекомые и чьё-то дыхание во сне, тихое, безмятежное, как дыхание детей.

На шестидесятом шаге Сотирис понял, что ждёт собственного страха, как ждут старого знакомого, и что тот не пришёл. Обычно страх шёл рядом с ним на каждом подходе: холодок под рёбрами, сухость во рту, лёгкая дрожь в коленях, от которой потом становилось только яснее думать. Сейчас тело молчало. Он не почувствовал облегчения. Он почувствовал недоумение, как человек, у которого из кармана исчезла вещь, которую он носил всю жизнь.

Он остановился на ста двадцатом шаге. Шатёр стоял перед ним, тёмный, с тонкой полосой света у полога. Там не спали.

Он отвёл полог.

Тот сидел лицом ко входу, и лампа у его колена горела ровно, без дрожи. Он не лежал, не прятался, не стоял с оружием. Он сидел, как человек, который не спал и не собирался.

Сотирис искал привычное. Сжатые пальцы, взгляд на нож, частое дыхание, жилку на шее. Он искал, как ищут монету в кармане, который знаешь наизусть. Нашёл он только пустоту. Человек перед ним не готовился ни бежать, ни драться, ни просить. Он не ждал убийцу, он просто ждал, кто войдёт.

— Садись, если устал, — сказал Будда. — Лампа догорает. Подлить масла?

Это было сказано без насмешки. Сотирис стоял с рукой на рукояти и не мог вспомнить, зачем она там. Он ждал угрозы, мольбы, проповеди. Он ждал чего угодно, кроме доброты.

Он искал страх в чужом лице, потом в своём. Не находил нигде.

Он сел.

Лампа вспыхнула, когда Будда долил масла, и снова встала ровным пламенем. Сотирис смотрел на неё, потому что смотреть на человека напротив было слишком похоже на вопрос. Будда не пытался заполнить тишину. Один раз он поправил полу одежды. Один раз вздохнул глубже обычного.

Где-то после полуночи Сотирис понял, что не помнит, когда в последний раз сидел вот так: без дела, без счёта шагов, без чужого дыхания за спиной. Сначала он искал в себе страх, потом ярость на себя, потом стыд. Не нашёл и их. Остались только странное, непривычное чувство: ему никуда не нужно идти.

К рассвету за пологом посерело. В лагере зашевелились, зашаркали сандалии. Он обнаружил, что ладонь лежит на колене. Нож остался в ножнах. Он не помнил, чтобы отпускал его.

Полог шевельнулся. Заглянул старый монах с метлой. Он увидел чужого человека с оружием у шатра учителя и кивнул ему, как старому знакомому, и ушёл мести дорожку.

Сотирис встал. Ноги затекли. Будда не пошевелился и ничего не сказал вслед. Это он запомнил особенно: его никто не удерживал.

Глава 6. Пустой день

Он вышел из рощи, когда солнце ещё не поднялось над Гридхракутой, и пошёл в город, не выбирая дороги.

Первый час он просто шагал. Ноги знали привычный маршрут: вдоль стены, мимо стражи у южных ворот, к рынку. Он свернул у водоёма, потому что заметил, что идёт по следам собственной разведки, и ему стало неприятно, как бывает неприятно, когда находишь в кармане старую записку.

На рынке только раскладывали товар. Горшечник расставлял кувшины рядами, по росту. Мальчик гонялся за курицей между прилавков, и торговка рыбой смеялась и кричала ему вслед что-то необидное. У кузнеца уже горел горн, и в воздухе стоял запах угля и горячего железа. Сотирис остановился и подумал, что ему нужно куда-то встать. Встать было некуда: не нужно занимать позицию, не нужно смотреть на крыши, не нужно знать, где выход. Никто здесь не был ему врагом, и никто не был работой.

Он купил лепёшку у старухи с беззубой улыбкой, отломил кусок и сел на ступени небольшого храма. Лепёшка была тёплая, с тмином. Он жевал её и ждал, что скажет голова, но голова молчала. Рука сама потянулась к поясу, нащупала рукоять ножа, и он вдруг не понял, зачем. Нож был на месте. Он всегда был на месте.

Мимо прошла женщина с кувшином на голове и не посмотрела на него. Потом мужчина с тюком. Потом двое детей, которые остановились, уставились на шрам, шепнули что-то друг другу и убежали. Он улыбнулся им вслед, сам не понимая чему.

К полудню жара стала такой, что воздух над мостовой дрожал. Он нашёл тень под деревом у колодца и просидел там до вечера. О ночи он не думал: у него не нашлось для неё ни слов, ни доводов. Были только вещи. Лампа, горевшая ровно. Рука на колене. Старый монах, заглянувший в полог. Они лежали в памяти, как камешки, которые не складывались в рассказ, и он просто перебирал их.

К закату он вернулся на постоялый двор. Мешок лежал под лежанкой там, где он его оставил. Сотирис вытащил его, поставил на колени и долго не развязывал. Плата была вдвое больше, чем он когда-либо получал за один раз. Он понимал, что должен что-то чувствовать: радость, досаду, облегчение. Он не чувствовал ничего.

Ночью он не спал и слушал, как внизу ругаются погонщики и скрипит воротами хозяин. Одна мысль крутилась всё настойчивее: он не сделал работу. Это было впервые. Он не провалил её, не отказался, не струсил. Он просто сел и просидел до утра.

Утром жрец будет ждать его у храма. Он знал, что скажет ему.

Глава 7. Мешок

Жрец стоял на ступенях храма, там же, где они договорились. Утро было прохладным, дым над крышами поднимался ровно, и в этом дыме белая одежда казалась почти светящейся.

Сотирис подошёл и остановился в трёх шагах. Привычка: на таком расстоянии удар не достанет, а голос ещё слышен.

— Сделано? — спросил жрец.

— Нет.

Жрец не изменился в лице. Он только слегка наклонил голову, как человек, которому сообщили, что товар задержался в дороге.

— Расскажи.

Сотирис ждал этого вопроса и не знал, что ответить. Правда не годилась. Правда звучала как бред: пришёл, сел, просидел, ушёл. Он молчал.

— Ты не испугался, — сказал жрец. — Я бы увидел. Тебя не купили: я бы тоже увидел. Что же тогда?

— Не знаю.

— Вот это уже интересно.

Сотирис развязал мешок и положил его на ступени у ног жреца. Мешок глухо звякнул. Жрец посмотрел на него, потом на грека, и в его спокойных глазах появилось что-то новое, но не гнев. Любопытство.

— Люди, которые не выполнили работу, обычно оставляют плату себе, — сказал он. — Ты возвращаешь. Значит, ты в долгу перед кем-то другим. Перед кем?

— Ни перед кем.

— Хорошо, — сказал жрец. — Посмотрим.

Он не поднял мешок и не стал спорить. Он повернулся и ушёл в тёмный проём храма, и Сотирис ещё долго стоял на ступенях, ощущая странную лёгкость и странную пустоту на месте тяжести, которой не было видно.

Первый раз они пришли ночью, часов через шесть.

Сотирис услышал их ещё на лестнице постоялого двора. Пятеро, босые, один тяжелее остальных. Дверь он подпёр с вечера, и теперь она затрещала, и тело сделало всё, что должно: ушло с лежанки, перекатилось к стене, выхватило нож. Первого он ударил локтем в горло, второго отбросил на лежанку, у третьего выбил дубинку. Это была работа, которую он знал. Руки двигались сами.

Он заметил это только на четвёртом. Четвёртый шёл на него с ножом, и Сотирис мог ударить в горло, в бок, под рёбра. Он ударил рукоятью по запястью, и нож упал, а человек отшатнулся, схватившись за руку. Пятый бежал. Остальные лежали на полу, стонали, ругались. Никто не умер.

Он стоял посреди комнаты с ножом в руке, тяжело дыша, и не понимал, что произошло. Его руки перестали убивать. Он этого не решал. Они просто не стали.

У стены за дверью стояла узкая деревянная лестница, ведущая к выходу на крышу. Сотирис заметил её ещё днём.

Хозяин двора кричал внизу и звал стражу. Сотирис подхватил плащ и вышел через крышу. Раджагаха ночью была тёмной и холодной, и он шёл по её переулкам, прижимаясь к стенам, и думал, что в этом городе у него остаётся одно место, куда можно идти. Он ещё не решил, пойдёт ли.

Два дня он прятался в квартале горшечников, в пустой печи для обжига, где пахло золой и глиной. Нога болела: кто-то всё-таки задел его в темноте. Он промыл рану водой из чужой

бочки, перевязал полосой от плаща и лежал, глядя в закопчённый свод. Он голодал, хотел пить, и странным образом это почти не мешало ему. Он думал о лампе.

На третье утро он встал, отряхнул золу и пошёл к Венуване.

У входа в рощу стоял старый монах с метлой. Сотирис ждал вопроса, окрика, хотя бы взгляда. Монах просто отодвинулся, освобождая тропу, и кивнул в сторону навеса, где было сухо.

Он лёг, не снимая сандалий. Впервые за много лет засыпал так, будто за спиной стоял кто-то, кому можно доверять.

Караван Бахрама должен был уйти на запад через три дня. Сотирис не послал купцу вестника и не вернулся на постоялый двор. Когда настал день отъезда, караван ушёл без него.

Глава 8. Край рощи

Первую неделю никто с ним не заговаривал.

Он спал под тем же навесом, где его оставили, и просыпался до рассвета, потому что в лагере вставали рано. Монахи шли мимо с чашами, босые, не торопясь. Они не отворачивались и не смотрели слишком долго. Он понял, что его сделали частью пейзажа: камень у тропы, который никому не мешает.

Рана в ноге ещё тянула, особенно после сна. Первые шаги он делал осторожно, потом боль отступала, и он снова забывал о ней.

На второй день он взял кувшин и пошёл к ручью. Никто его не просил. Он просто увидел, что кувшин стоит пустой, и взял. Принёс воду, поставил у входа. Через час кувшин снова был пустым, и он снова пошёл. К вечеру он уже знал, сколько шагов от ручья до навеса, и что тропа на одном повороте размывается после дождя.

На третий день он починил расшатанную опору навеса. Он сделал это плохо: руки, привыкшие к ножу и верёвке, не умели вязать бамбук. Узлы расползались, жерди плясали. Молодой монах, проходивший мимо, остановился, посмотрел и тихо засмеялся, не злобно, а как смеются над ребёнком, который впервые надел чужие сандалии. Потом он показал, как вязать, и ушёл. Сотирис провозился ещё час и сделал лучше.

На пятый день он понял, что не проверил выходы из рощи. Раньше он делал это каждое утро, как другие люди умываются. Сейчас забыл. Он стоял с кувшином в руках и пытался вспомнить, что именно хотел узнать, и не смог.

По ночам ему снился Милет. Город горел, как всегда, и он нёс по улице чужого ребёнка, не зная чьего, а ребёнок был лёгкий и тёплый и не плакал. Он просыпался в темноте с пересохшим ртом и сидел, глядя на звёзды сквозь листья бамбука. Старый монах с метлой иногда проходил мимо в такие ночи, будто тоже не спал. Он ничего не говорил. Один раз поставил рядом с Сотирисом кружку с водой и ушёл.

На вторую неделю Сотирис увидел Будду издалека.

Тот сидел под деревом и говорил с несколькими монахами. Слов слышно не было. Сотирис стоял у ограды с вязанкой хвороста и смотрел. Будда был старше, чем показалось ему той ночью: сухой, с глубокими складками у глаз, с волосами, тронутыми сединой. Он не жестикулировал и не повышал голос. Он слушал больше, чем говорил. Когда кто-то из монахов смеялся, Будда улыбался тихо, не раскрывая рта.

Сотирис ждал, что почувствует то же самое, что в шатре. Не почувствовал. С такого расстояния это был просто старик, который сидел под деревом.

Он ушёл с хворостом и не мог решить, облегчение это или разочарование.

К концу третьей недели он знал в лагере каждого. Кто просыпается раньше всех. Кто никогда не доедает до конца. Кто тайком хранит сушёные фрукты в рукаве. Кто молится так громко, что слышно у ручья, а кто молчит так тихо, что кажется, будто его нет. Он знал, что Ананда спит рядом с шатром учителя и встаёт трижды за ночь, проверить, дышит ли тот. Он знал, что старший из монахов, сухой, строгий человек по имени Махакашьяпа, смотрит на него с настороженностью, как на змею, которую пока не решаются выбросить.

Всё это он замечал по привычке, как замечал раньше расположение стражи. Но было иначе. Раньше он смотрел, чтобы найти слабое место. Теперь он смотрел, потому что ему было не всё равно.

Тайна становилась тяжелее с каждым днём. Он носил воду мимо людей, которые не знали, кто он, и это было хуже, чем если бы знали. Каждый улыбавшийся ему монах улыбался человеку, которого не существовало.

В ночь на двадцать второй день он не выдержал. Лежал и слушал, как кто-то кашляет в темноте. Потом встал и пошёл к шатру Ананды.

Глава 9. Слова вслух

Его он нашёл у ручья, на рассвете, когда тот стирал одежду. Двоюродный брат Будды был молод, мягок, с испуганными глазами человека, который слишком любит и поэтому слишком боится. Он выжимал край рясы и не сразу заметил, что рядом стоит чужой человек.

Сотирис не знал, с чего начать. Он репетировал это в голове, ночью, но слова рассыпались. Он стоял, как стоял бы перед судьёй: прямо, руки опущены.

— Мне надо сказать тебе одну вещь, — произнёс он наконец. — Потом можешь решать.

Ананда выпрямился, держа мокрую ткань.

— Меня наняли убить его, — сказал Сотирис. — Я пришёл ночью. Не смог.

Тишина длилась так долго, что он успел услышать ручей, и птиц, и далёкий стук ступок у кухни. Ананда смотрел на него, и лицо его медленно меняло цвет: сначала побледнело, потом пошло красными пятнами. Сотирис ждал, что тот закричит, позовёт людей, ударит. Он был готов. Он не стал бы сопротивляться.

— Когда? — спросил Ананда. Голос был тихий и дрожал.

— В новолуние. Три недели назад.

— Три недели. Ты три недели ходишь здесь и… — Он не договорил. Мокрая ткань упала в ручей, и он не заметил. — Ты сидел у его шатра. Я помню. Монах с метлой сказал мне. Я думал, ты просто… я думал…

Он замолчал и посмотрел на свои руки.

— Почему ты говоришь это мне? — спросил он наконец.

Сотирис задумался. Правдивый ответ оказался не тем, который он ожидал.

— Потому что ты боишься за него. Это видно.

Ананда отшатнулся, как от удара. Потом вдруг сел прямо на камни, обхватил колени и заплакал. Тихо, как плачут, когда давно держали. Сотирис стоял над ним и не знал, куда деть руки. Он никогда не видел, чтобы человек плакал от такого. От страха, от боли, от злости, да. А это был плач человека, которому сказали, что его любимого могли убить, и который до этой минуты не разрешал себе об этом подумать.

— Я должен рассказать старшим, — сказал Ананда, вытирая лицо рукавом. — Сейчас. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Они тебя прогонят. Или хуже.

— Знаю.

— Ты не убежишь?

Сотирис посмотрел на него.

— Куда?

Ананда кивнул, будто это был ответ, встал и пошёл вверх по тропе, спотыкаясь. Сотирис остался у ручья. Он поднял упавшую рясу, прополоскал, выжал и повесил на куст. Потом сел на камни и стал ждать. Руки его лежали на коленях, и он смотрел на них, и впервые за много лет ему некого было ждать, кроме тех, кто придёт за ним самим.

Глава 10. Совет

Его позвали на закате.

Под большим деревом уже сидели старшие, шестеро, в кругу, и между ними на земле лежал нож. Его нож: кто-то из послушников вынул его из мешка под навесом и положил на землю, как кладут улику. Лезвие блестело в красном свете. Он остановился в трёх шагах от круга и стал ждать, пока на него посмотрят.

Первым посмотрел Махакашьяпа.

Он сидел прямо, как жердь, сухой, смуглый, с лицом ястреба, и не моргал. Про него в роще говорили, что он спит сидя и ест раз в день. Сотирис ему верил.

— Это твой? — спросил он, кивнув на нож.

— Мой.

— Сколько ты им убил?

— Не считал.

— Врёшь.

— Начал считать, потом бросил.

Кто-то из старших кашлянул. Махакашьяпа не изменился в лице.

— Хорошо. Хоть без «не помню». Ты пришёл убить учителя за деньги. Почему не убил?

— Не смог.

— Испугался?

— Нет.

— Тогда что?

Сотирис помолчал.

— Не нашёл, чего бояться, — сказал он. — Ни в нём, ни в себе.

— Красиво. — Махакашьяпа сплюнул в сторону, коротко, без злобы. — Слова лёгкие. Деньги ты вернул?

— Да.

— Жрец тебя ищет?

— Нашёл. Пять человек на постоялом дворе.

— Ты их убил?

— Нет.

— Почему?

На этот вопрос у Сотириса не было ответа. Он пожал плечами.

— Руки не пошли.

Махакашьяпа смотрел на него долго, как смотрят на неисправную вещь.

— Я предлагаю прогнать, — сказал он, обращаясь к остальным. — Не из злобы. Он не знает, что носит с собой. Придёт жрец, придут люди с ножами, и мы потеряем учителя из-за человека, которому «руки не пошли».

Все молчали.

— Если выгоним, — раздался негромкий голос справа, — он уйдёт к жрецу.

Говорил старый монах с метлой. Он сидел чуть в стороне, на пятках, и ковырял прутиком землю, как будто всё, что здесь решалось, касалось его мало.

— Почему? — спросил Махакашьяпа.

— Потому что идти ему больше некуда. А человек, которому некуда идти, берёт ту дорогу, которую предлагают. — Он поднял прутик и посмотрел на кончик. — Мы ему её не предлагаем. Значит, предложит жрец.

— Ты хочешь оставить его рядом с учителем?

— Нет. Рядом не нужно. Пусть носит воду. Пусть спит у ограды. Пусть мы за ним присматриваем. — Старик улыбнулся одними глазами. — Если он нас перережет, вы будете правы, а я буду мёртв, и мне будет всё равно.

Ананда, сидевший на краю круга, вдруг заёрзал, открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Я... то есть я не хотел... — Он сглотнул. — Учитель сказал. Когда я пришёл. Он уже знал, и я не понимаю, как, но он знал. Я спросил, что делать. Он сказал: «Он пришёл и сам рассказал. Разве это не важнее того, зачем он пришёл вначале?» — Ананда покраснел до ушей. — Я не говорю, что он прав. Я просто... передаю.

Махакашьяпа повернулся к нему всем корпусом.

— Ты хочешь сказать, что учитель решил?

— Нет! Нет. Он не решал. Он никогда не... он только сказал.

Старшие переглянулись. Кто-то усмехнулся.

— Хорошо, — сказал наконец Махакашьяпа и, помедлив, отодвинул нож ногой. — Не прогоняем. Пока. Спать у ограды. Работать на кухне и у ручья. К шатру учителя не подходить. К Ананде не подходить без свидетелей. Нож держать в мешке, не на поясе. Если хоть раз увижу его возле учителя один на один, вышвырну сам. Ты слышал?

— Слышал.

— Повтори.

— У ограды. Кухня, ручей. К шатру нет. Нож в мешке.

— Свободен.

Сотирис поклонился. Не низко: он не умел. Но так, как умел.

Уходя, он услышал за спиной тихий голос старого монаха:

— Не расстраивайся. Он так со всеми. Меня в первый год называл ленивой тряпкой.

— А сейчас?

— Сейчас называет просто тряпкой. — Старик хмыкнул. — Это повышение.

Сотирис не засмеялся. Но на следующее утро, когда он вышел к ручью с кувшином, ловил себя на том, что губы у него чуть дёргаются. Он не помнил, когда в последний раз так было.

Глава 11. Город отворачивается

Жрец не стал нанимать новых убийц.

Сотирис узнал об этом не сразу. Первые дни после совета он думал, что худшее позади. Он работал: носил воду, колол дрова, чинил навесы, и каждое утро ждал, что за ним придут. Не приходили. На второй неделе он начал дышать свободнее. На третьей перестал спать с ножом под рукой.

Первый тревожный знак был мелким. Он вернулся с рынка, куда ходил с двумя молодыми монахами за рисом, и заметил, что торговец, у которого они покупали всегда, на этот раз отвесил меньше обычного и не посмотрел им в глаза.

Потом он услышал разговор на улице. Две женщины стояли у колодца и говорили вполголоса, и когда он проходил мимо, они замолчали, а одна отступила на шаг и, прикрыв рот ладонью, шепнула подруге одно слово. Он расслышал его: «демон». Он решил, что ему показалось.

Потом дети перестали бежать за монахами. Раньше они ходили гурьбой, дёргали за рукава, просили показать, как держать чашу. Теперь стояли у стен и смотрели. Сотирис поймал взгляд маленького мальчика, и тот спрятался за мать.

В тот день в чашах монахов оказалось втрое меньше риса, чем обычно. На следующий день — ещё меньше.

Он расспросил одного молодого монаха, и тот, смущённо отводя глаза, рассказал: в городе говорят, что в роще поселился наёмный убийца. Что это вовсе не человек, а демон в человеческом обличье, и учитель держит его для чего-то. Что кто-то видел, как этот человек ночью ходил с ножом у шатра. Что, может быть, он служит самому Будде, а может, готовит что-то против царя. Что лучше не подавать тем, у кого такие друзья.

Сотирис слушал и чувствовал знакомый холод под рёбрами. Не страх. Что-то более старое: узнавание. Он знал этот приём. Он сам такое делал, на войне, когда нужно было взять город без штурма. Не нападать, а сжимать. Ждать, пока люди сами отвернутся.

Они перестали класть еду в чаши на шестой день. Никто не отказывал, не ругался, просто проходили мимо, опустив глаза. Сотирис шёл за монахами по улице и чувствовал спиной то, что знал по войне: когда город решает, что ты чужой, он не нападает, а отворачивается.

На седьмой день вернулись с пустыми чашами. Сели на землю у ограды и стали делить то, что осталось в запасах: горсть риса, несколько лепёшек, сушёные плоды. Никто не жаловался. Монахи ели молча, понемногу, будто это была обычная трапеза. Но Сотирис видел, как старый монах с метлой отламывает свой кусок и незаметно кладёт его перед маленьким послушником.

Старший монах Махакашьяпа посмотрел на грека через весь круг. Взгляд был не злой. Но он говорил: это из-за тебя.

Вечером Ананда не смотрел на него. Не демонстративно, не из обиды. Он просто не мог. Сотирис понимал: если посмотреть, придётся что-то решить.

Грек понял, что именно этого и добивался тот, в белом.

Он долго сидел один на краю рощи, прислонившись спиной к стволу. Ночь была тёплая, пахло дымом от костров. Где-то в лагере кто-то тихо пел, одну и ту же строфу, снова и снова, будто пытался заглушить голод.

Сотирис думал о том, что умел всегда решать такие задачи. Убрать причину. Если в лагере кто-то лишний, он уходит. Это просто. Тот, кто лишний, уходит, и остальным становится легче.

Он встал и пошёл за плащом.

Глава 12. Просьба

Плащ лежал там, где он его оставил, свёрнутый под навесом. Сотирис взял его, накинул на плечо. Больше у него ничего не было.

Нож он положил на подстилку. Постоял над ним, глядя, как в свете далёкого костра по лезвию бежит красноватая искра. Решил: оставит. Пусть лежит. Тому, кто придёт после, пригодится больше, чем ему.

Лагерь спал. Не весь: у дальнего костра тихо пел кто-то из голодных, снова и снова повторяя одну и ту же строфу. В палатках кашляли, ворочались, вздыхали. Где-то плакал во сне ребёнок, привезённый из деревни кем-то из послушников. Сотирис шёл мимо спящих, ступая осторожно, как привык, и ему казалось, что он уходит из дома, в котором прожил слишком мало, чтобы называть его домом, и слишком долго, чтобы уйти без боли.

Он дошёл до края рощи. Дорога шла вниз, в темноту, к городу, который его не ждал. Пахло остывающей землёй, бамбуковой прелью, где-то далеко тянуло дымом очагов. Он остановился. Не потому что передумал. Потому что за спиной кто-то стоял.

Он обернулся.

Будда сидел под деревом, один, в десяти шагах. Лампа горела у его колена так же ровно, как в ту ночь. Сотирис не слышал, как он подошёл, и не понимал, как тот мог оказаться здесь, у самой границы лагеря, посреди ночи. Он сидел так, как сидел всегда: прямо, спокойно, сложив ладони на коленях. Тонкая нить дыма от лампы поднималась в безветренный воздух и таяла выше первых листьев.

— Я знаю, что тебе здесь тяжело, — сказал Будда. — Останься.

Сотирис ждал продолжения: условий, обещаний, хотя бы «так будет лучше для всех». Продолжения не было. Лампа горела ровно. Где-то далеко, внизу, лаяла собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.